

Основное противоречие современной эпохи

8 сентября 2021

[Владимир Попов](#)

Д.э.н., главный научный сотрудник ЦЭМИ РАН

Основное противоречие современной эпохи, да и всей человеческой истории, наблюдается не между капитализмом и социализмом и даже не между авторитаризмом и демократией, а между индивидуализмом и коллективизмом, общественными и личными интересами. Страны, вырывающиеся вперед в экономической гонке, позволяют себе роскошь индивидуализма, ставя во главу угла права человека, что подрывает их политическое и экономическое могущество, кончается упадком и возвышением более коллективистских цивилизаций [1]. Вот уж в буквальном смысле старая как мир история...

Азиатские ценности

«Азиатские ценности» — приоритет интересов общины (деревни, предприятия, нации, мирового сообщества) над интересами индивидуума. Собственно говоря, то, что сегодня называют «азиатскими ценностями», до протестантизма XVI в. было универсальным принципом всего человечества — никакого примата интересов индивидуума над интересами общества до этого времени не было.

Коллективистские ценности часто противопоставляются западным либеральным, в основе которых лежит идея о неотъемлемых, священных правах человека, которые не могут быть отчуждены от индивидуума ни при каких обстоятельствах даже ради достижения высшего общественного блага. Известный политический философ Джон Роулс сформулировал принцип, в соответствии с которым демократические ценности и права человека имеют приоритетное значение. Согласно Дж. Роулсу, права человека, включая политические права, «не могут быть ни предметом политического торга, ни разменной монетой при расчете общественных интересов». Защитники же «азиатских ценностей», корни которых часто ищут в конфуцианстве, считают, что, в принципе, политическими правами отдельных индивидуумов можно пожертвовать ради высшего общественного блага, например, ради достижения высоких темпов устойчивого роста и социального равенства.

Ценности, конечно, понятие во многом расплывчатое и субъективное, экономисты любят оперировать объективными и измеряемыми категориями, но таковые тоже есть. Социальная гармония зиждется на низком имущественном и доходном неравенстве — в Китае и Восточной Азии оно сегодня оказывается ниже, чем в других странах, если только правильно проводить сравнения — с поправками на размер страны и уровень развития. И «олигархоёмкость» (отношение богатства миллиардеров к ВВП), измеряющая неравенство на самом вершине имущественной пирамиды, в Китае ниже, чем в большинстве других стран. Доля государства в

экономике (госпотребление в процентном соотношении к ВВП, чтобы быть точным) — выше, чем в схожих по этим параметрам государствах, число нарушений правопорядка и уголовных наказаний (преступлений, убийств и заключенных на миллион человек) — также меньше, чем других странах [2]. Есть и другие измеряемые объективные показатели — пожизненный найм и безработица, соотношение банковского кредита и фондового рынка, концентрация контроля над корпорациями, и т.д. Есть и различия в субъективных ценностях, измеряемых опросами *World Value Survey* и других организаций, — степень доверия правительству, готовность защищать свою страну, важность семейных уз и пр. [3]

Однако самое главное, конечно, массовое понимание того, что страна и общество важнее любого индивидуума, даже самого важного. Скажем, политика ограничения рождаемости, практиковавшаяся в Китае с начала реформ в 1979 г. и до недавнего времени, на Западе традиционно считается нарушением «неотъемлемых» репродуктивных прав граждан, но в Китае поддерживалось подавляющим большинством населения и не вызывала вопросов.

«Не спрашивайте, что ваша страна может сделать для вас, спросите, что вы можете сделать для своей страны», — эта знаменитая фраза Джона Кеннеди произвела сильное впечатление в США и на Западе, но не в Китае. «А что, разве может быть по-другому?», — с недоумением спрашивали меня знакомые китайцы.

Соревнование цивилизаций

Одно время казалось, что Запад, поставивший на личную свободу и права человека, сумел обогнать все другие цивилизации в экономическом, военном и культурном отношении, так что им остается только подражать Западу, чтобы добиться таких же успехов. Однако подъем Восточной Азии в послевоенный период, и особенно Китая как центра Восточной Азии, заставляет думать, что в соревновании цивилизаций еще рано ставить точку. Китаю (а раньше и другим странам Восточной Азии, основанным на китайской культуре — Японии, Корее, Тайваню, странам АСЕАН) удалось в послевоенный период поднять темпы роста до 7—10 % и поддерживать их в течение нескольких десятилетий. В итоге Восточная Азия во второй половине XX в. стала, по сути, единственным крупным регионом, которому удалось сократить разрыв в уровнях экономического развития с Западом.

Ни Латинской Америке, ни Ближнему Востоку, ни Южной Азии, ни Африке, ни бывшему СССР и Восточной Европе сделать это не удалось. Да, в 1950-е – 1970-е гг. СССР и Восточная Европа, а также Латинская Америка сокращали разрыв с Западом. Но затем их модель импортозамещающего развития с треском рассыпалась: в Латинской Америке — после долгового кризиса начала 1980-х гг., в Восточной Европе — в 1990-е гг., когда они пережили падение производства, сравнимое только с «великой депрессией» 1930-х гг. И только в Восточной Азии находятся страны, которые смогли превратиться из развивающихся в развитые — Япония, Южная Корея, Тайвань, Сингапур, Гонконг. Других государств, сумевших догнать Запад благодаря высоким темпам роста, а не благодаря повышению цен на ресурсы, в мире пока нет. Два последних случая можно списать на малые масштабы — это города, а не страны, но вот первые три никуда не денешь, они, что называется, колют глаз. Тем

более теперь, когда по стопам этих стран идет Китай с пятой частью мирового населения.

Значение этого роста сегодня трудно переоценить, и не только потому, что Китай — самая большая страна мира, но и потому, что впервые в новой истории мы имеем дело с успешным догоняющим развитием, базирующимся на нелиберальных (если не сказать антилиберальных, принципах), а на «азиатских ценностях» и коллективистских по сути своей институтах. После краха СССР китайская, точнее, восточноазиатская, модель развития завоевывает все больше сторонников в развивающихся странах — от Бразилии до Фиджи. Геополитика и военный потенциал, конечно, имеют значение, но доминировать в конце концов будут страны, которые добьются наивысшей эффективности. «Производительность труда — самое важное, самое главное для победы нового общественного строя» (Ленин).

Сравнительная экономическая и социальная динамика в период пандемии *COVID-19* — еще одно доказательство преимуществ коллективистской модели, если такие доказательства еще кому-то нужны. В Китае, Японии, Южной Корее роста смертности в сравнении с предшествующим периодом (2015–2019 гг.) практически не было, а продолжительность жизни не сократилась. Из западных стран такой результат продемонстрировали только Австралия, Исландия, Новая Зеландия и Норвегия, а в США уровень смертности вырос грубым счетом на 25%, продолжительность жизни сократилась на полтора года — с 78.8 в 2019 г. до 77.3 лет в 2020 г. В нынешнем году продолжительность жизни в США еще более сократится, а в Китае возрастет, так что китайцы по этому показателю, по всей видимости, обгонят американцев.

При этом рост экономики Китая продолжается: темпы роста в 2020 г. только несколько замедлились (с 6% в 2019 г. до 2% в 2020 г.; в 2021 г. ожидается рост 8–9%, чтобы компенсировать предыдущее замедление), а во всех остальных странах G-20, кроме Турции, произошло падение производства, иногда значительное — от 5 до 10% в 2020 г. [\[4\]](#)

Прогноз

Россия стоит между Востоком и Западом почти всю свою историю. Современная российская социально-экономическая модель отчасти либеральная, отчасти коллективистская, особенно после преодоления хаоса 1990-х гг.

Проигрывая китайской экономической и социальной модели по многим параметрам, Запад, наверное, будет стараться создать единый фронт государств, независимо от того, являются эти государства либеральными и демократическими или нет. Можно предположить, что все страны, которые Запад считает сегодня авторитарными, от Венесуэлы до Северной Кореи, получат индульгенцию на «нарушения прав человека и демократии», если только займут антикитайскую позицию. Россию, вероятно, постараются соблазнить отменой санкций и даже возможностями вхождения в западный клуб «цивилизованных стран».

Если Россия и другие государства, которые Запад считает авторитарными, пойдут на такой компромисс, возвышение Китая и распространение восточноазиатской модели может быть замедлено, но не остановлено. Но если Россия свяжет свою судьбу с Китаем и новой коллективистской моделью, закат Запада может произойти быстрее, чем ожидается.

¹ Попов В.В. [Пот, кровь и институты. - "Эксперт", №19 \(802\)/ 14 мая 2012 г.;](#)

Попов В.В. [Почему Запад разбогател раньше, чем другие страны и почему Китай сегодня догоняет Запад? Новый ответ на старый вопрос. - "Журнал Новой экономической ассоциации", №3 \(15\), 2012.](#)

² Popov, Vladimir. [Why Europe looks so much like China: Big government and low income inequalities. MPRA Paper No. 106326, March 2021.](#)

³ Keun Lee and Vladimir Popov (Eds.) [Re-thinking East Asian Model of Economic Development After the Covid-19. - Special Issue of Seoul Journal of Economics, 2020, Vol. 33;](#)

Popov, Vladimir. [Which economic model is more competitive? The West and the South after the Covid-19 pandemic –Seoul Journal of Economics 2020, Vol. 33, No. 4, pp. 505-538.](#)

Popov, Vladimir. [Covid-19 pandemic and long-term development trajectories of East Asian and Western economic models. - Pathways to Peace and Security \(Пути к миру и безопасности\), 2020, №2 \(59\).](#)

⁴Popov, Vladimir. [Global health care system after coronavirus: Who has responsibility to protect. MPRA Paper No. 100542, May 2020.](#)

Popov, Vladimir. [How to Deal with a Coronavirus Economic Recession? MPRA Paper No. 100485, May 2020.](#)